

С. Маршак
Борис Житков
Андрей Платонов
Сергей Алексеев
Н. Тарин-Михайловский
Валентин Берестов
Нестор Кукольник
Иван Бунин
Яков Полонский
Леонид Андреев
Антон Чехов

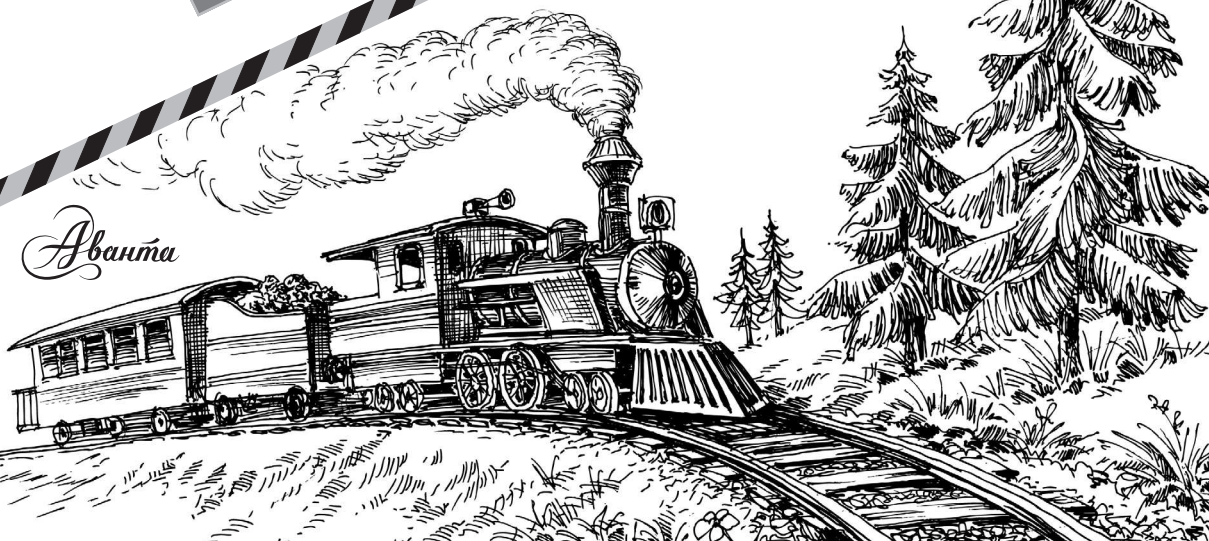
самые лучшие рассказы о железной дороге

ПОЕЗД

+ детская энциклопедия

ЧИТАЙ И ПОЗНАВАЙ

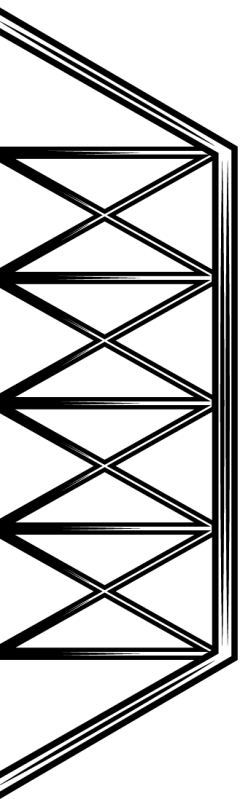
Аванта

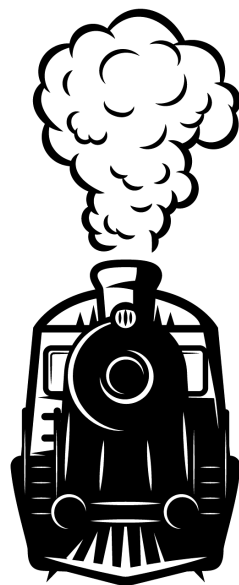

НЕСТОР КУКОЛЬНИК

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

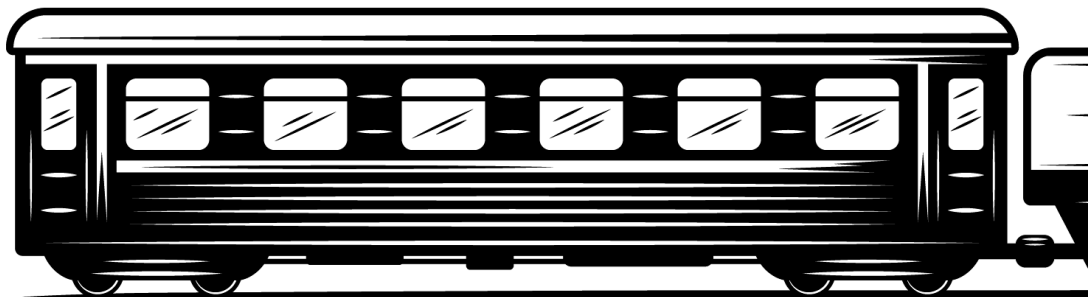

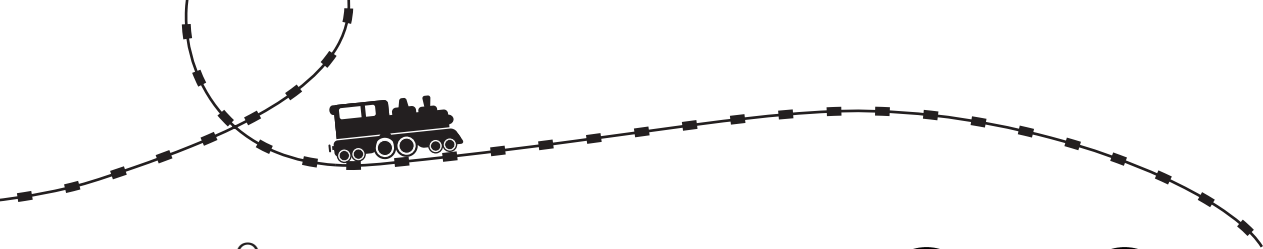
Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожидание, нетерпение...
Православный веселится
Наш народ.
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Нет, тайная дума быстрее летит,
И сердце, мгновенно считая, стучит.
Коварные думы мелькают дорогой,
И шепчешь невольно: «О боже, как долго!»

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волнение,

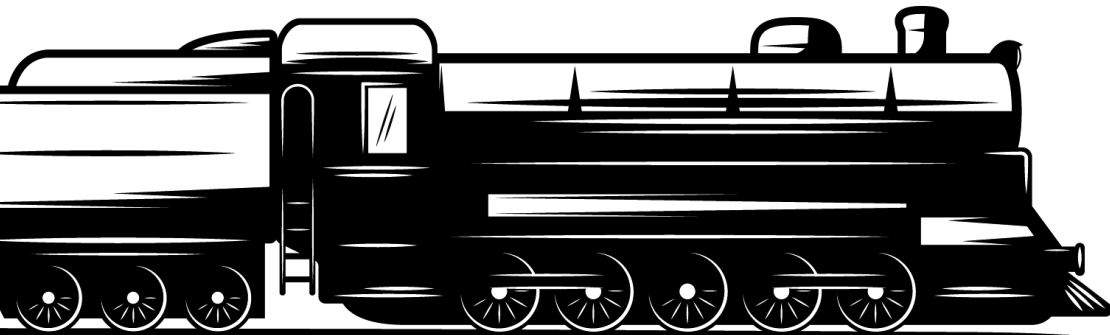

Ожидание, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Не воздух, не зелень страдальца манят, —
Там ясные очи так ярко горят,
Так полны блаженства минуты свиданья,
Так сладки надеждой часы расставанья.

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожидание, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

ИВАН БУНИН

НОВАЯ ДОРОГА (фрагмент)

— Неправильно уезжаете! — говорят мне знакомые, поздним вечером прощаясь со мной на вокзале. — Добрые люди только съезжаются в Петербург. Чего вы там не видали? Лесов, сугробов? А потом ещё эта новая дорога, на которой дня не проходит без крушений!

— Бог милостив! — отвечаю я.

Провожаящие пожимают плечами. Наступают те неприятные минуты разлуки, когда сказать уже нечего, улыбки делаются фальшивыми, а время начинает идти страшно медленно.

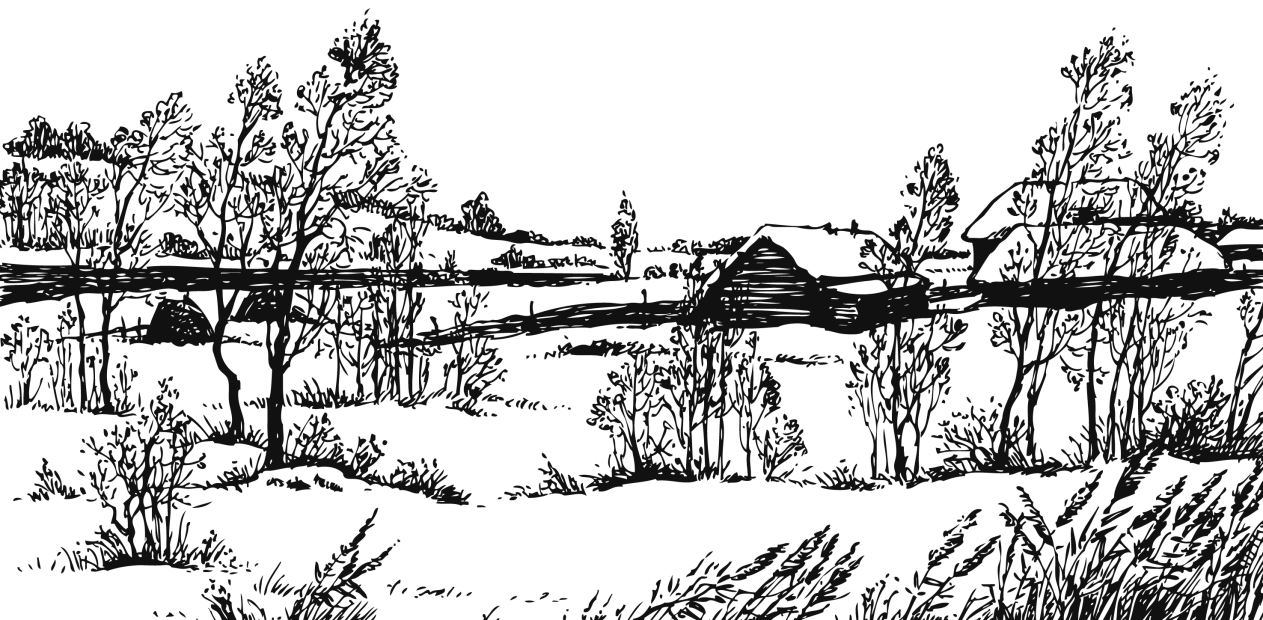

Наконец раздаётся второй звонок. Махая шляпами, провожающие уходят и, оборачиваясь, кланяются уже с искренней приветливостью.

— Готово! — кричит кто-то около паровоза, и паровоз тяжко стучается буферами в вагоны. Слышно, как он сдержанно сипит горячим паром, изредка кидая клубы дыма, и платформа пустеет. Остаются только высокий красивый офицер с продолговатым, нагло-серьёзным лицом в полубачках, и дама в трауре. Дама кутается в ротонду и тоскливо смотрит на офицера заплаканными чёрными глазами. Потом с неловкой поспешностью очень сытого человека проходит большой рыжеусый помещик с ружьём в чехле и в оленьей дохе поверх серого охотничьего костюма, а за ним приземистый, но очень широкий в плечах генерал. Потом из конторы быстро выходит начальник станции... Он только что вёл с кем-то неприязненный спор и поэтому, резко скомандовав: «Третий», так далеко швыряет папиросу, что она долго прыгает по платформе, рассыпая по ветру красные искры. И тотчас же на всю платформу звонит гулкий вокзальный колокол, раздаются гремучие свистки оберкондуктора, мощные взрывания паровоза — и мы плавно трогаемся.

Офицер идёт по платформе, раскланиваясь, ускоряя шаги и все более отставая от вагонов; паровоз отрывистее и резче кидает из-под цилиндров горячим паром... Но вот мелькнул последний фонарь платформы, офицера точно сдёрнуло — и поезд очутился в темноте. Она сразу развернулась, усеянная тысячами золотых огней в предместьях а поезд уверенно несётся в неё мимо товарных складов и вагонов, грозно предупреждая кого-то дрожащим рёвом. Светлые отражения окон всё быстрее бегут по рельсам и шпалам, ускользящим в разные стороны, потом по снегу. Скоро в вагоне станет тепло и уютно, и, беспорядочно громоздя вещи по диванам, пассажиры начнут располагаться на ночь. Седой, строгий, но очень вежливый старичок-кондуктор в пенсне на кончике носа не спеша проходит среди этой тесноты и пунктуально переписывает билеты, наклоняясь к фонарику своего помощника.

Воздух в полях, после города, кажется необыкновенным, — и, как всегда, я до поздней ночи стою в сенях вагона, отворив боковую дверь, и напряжённо гляжу

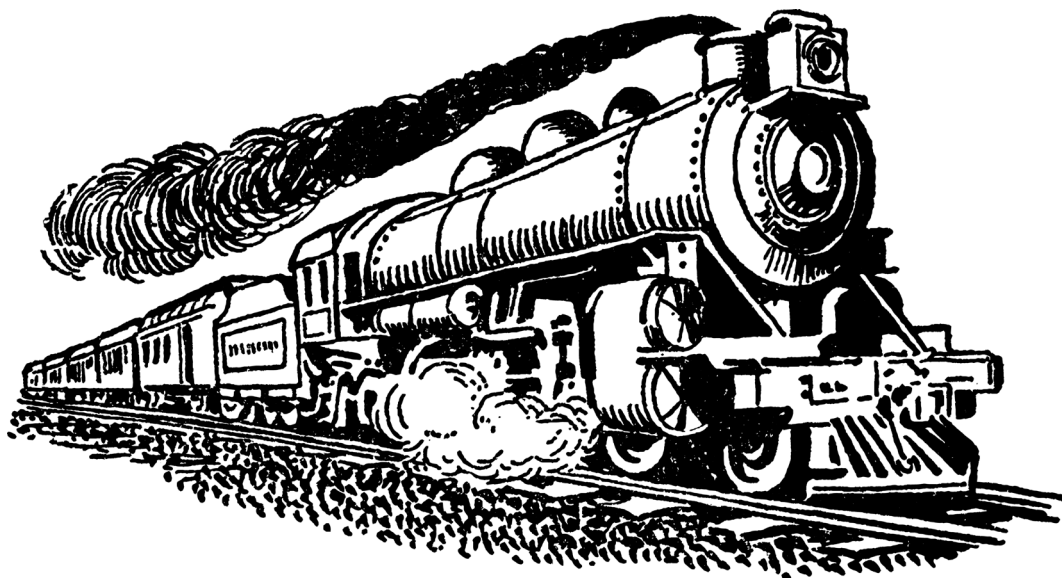

против ветра в тёмные снежные поля. Вагон дрожит и дребезжит от быстрого бега, ветер сыплет в лицо снежной пылью, свет фонаря в сенях прыгает, мешаясь с тенями. И, качаясь, я хожу от двери к двери по холодным сеням, уже побелевшим от снега... Прежде в пути всегда хотелось петь, кричать под грохочущий марш поезда. Теперь не то. Плывут, бегут смутные силуэты холмов и кустарников, с мгновенным глухим ропотом проносятся под колёсами чугунные мостики, в далёких, чуть белеющих полях мелькают огоньки глухих деревушек. И, щурясь от ветра, я с грустью гляжу в эту тёмную даль, где забытая жизнь родины мерцает такими бледными тихими огоньками...

Возвратясь в вагон, вижу в полусумраке фигуры лежащих; тесно от шуб и поднятых спинок диванов, пахнет табаком и апельсинами... Согреваясь после холодного ветра, долго смотрю полузакрытыми глазами, как покачивается меховое пальто, повешенное у двери, и думаю о чём-то неясном, что сливается с дрожащим сумраком вагона и незаметно убаюкивает. Славная вещь — этот сон в пути! Сквозь дремоту чувствуешь иногда, что поезд затихает. Тогда слышатся громкие голоса под окнами, шарканье ног по каменной платформе, а в вагоне — ровное дыхание и храп спящих. Что-то беспокоит глаза... Это тусклый и лучистый, желтоватый блеск замёрзшего окна, за которым вокзальный фонарь. Он мутно и неприятно озаряет сумрак вагона.

— Не знаете, какая станция? — спрашивает кто-то странным испуганным голосом...

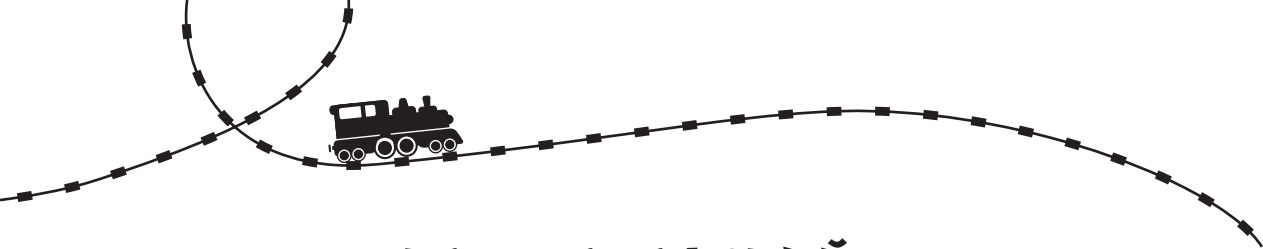
Потом звонок бьёт где-то далеко-далеко, усыпительно, хлопают двери вагонов, и доносится жалобный гул

паровоза, напоминающий о бесконечной дали и ночи. Что-то начинает вздрагивать и поталкивать под бок; металлически-лучистый блеск фонарей проходит по стёклам и гаснет; пружины дивана покачиваются всё ровнее и ровнее, и наконец непрерывно возрастающий бег поезда снова погружается в дремоту...

Внезапное прикосновение чьей-то руки извещает перед утром о пересадке. Испуганно вскакиваю, торопливо забираю вещи и через большую, но сонную и тускло освещённую станцию иду на какую-то длинную платформу, занесённую свежим глубоким снегом, к маленькому поезду, составленному из самых разнокалиберных вагонов... Новая дорога! Тишина, маленькие вагоны, душистый дым берёзовых дров, запах хвои... Славно!

В полудремоте попадаю в вагон-микст, тесный, с квадратными окнами, и тотчас же снова крепко засыпаю. И к утру уже оказываюсь далеко от Петербурга. И начинается настоящий русский зимний путь, один из тех, о которых совсем забыли в Петербурге...

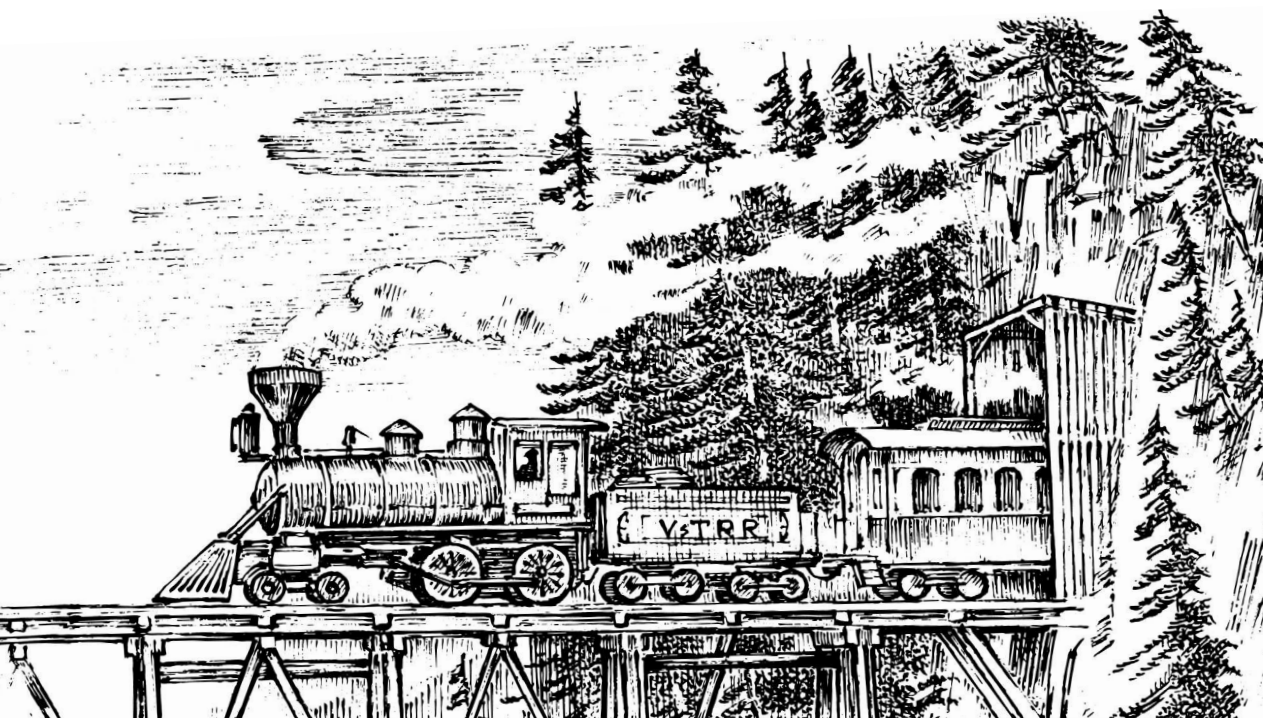

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ
(фрагмент)

Мчится, мчится железный конёк!
По железу железо гремит.
Пар клубится, несётся дымок;
Мчится, мчится железный конёк,
Подхватил, посадил да и мчит.

И лечу я, за делом лечу,—
Дело важное, время не ждёт.
Ну, конёк! я покуда молчу...
Погоди, соловьём засвищу,
Коли дело-то в гору пойдёт...

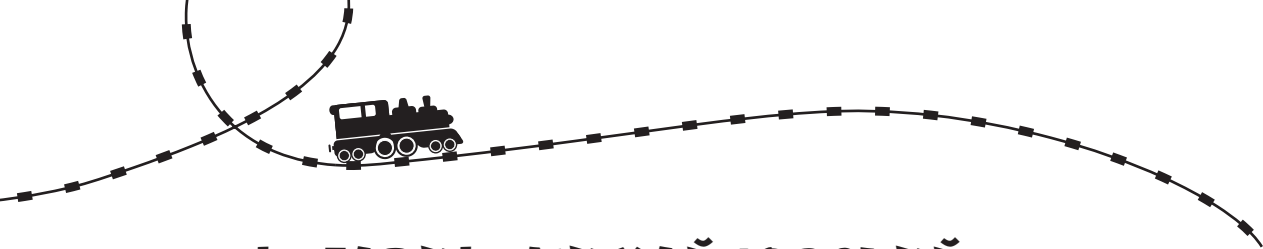

Вон навстречу несётся лесок,
Через балки грохочут мосты,
И цепляется пар за кусты;
Мчится, мчится железный конёк,
И мелькают, мелькают шесты...

Вон и родина! Вон в стороне
Тесом крытая кровля встаёт,
Тёмный садик, скирды на гумне;
Там старушка одна, чай, по мне
Изнывает, родимого ждёт.

Заглянул бы я к ней в уголок,
Отдохнул бы в тени тех берёз,
Где так много посеяно грёз.
Мчится, мчится железный конёк
И, свистя, катит сотни колёс.

Н. ГАРИН – МИХАЙЛОВСКИЙ

НА ПРАКТИКЕ (фрагмент)

I

Южное лето. Жара невыносимая. Точно из раскалённой печи охватывает пламенем. Сгорел воздух, степь, горят все эти здания громадного вокзала.

Полдень.

На запасном пути на площадке раскалённого чёрного паровоза в одном углу на перилах сидит унылая фигура с большим красным носом машиниста.

Пропитанный салом картуз съехал на затылок и точно приклеен к голове. Куртка, штаны когда-то иного, а теперь такого же, как окружающий уголь, чёрного цвета, тоже пропитаны и лоснятся салом. Запах этого сала тяжёлый, одуряющий. Масло и сало везде: в машинках, на площадках, на стойках, на руках. Пучки пакли, род утиральника — тоже в сале и вытирание рук — только самообман. Этой паклей я — другая фигура на площадке паровоза, в другом углу, виновато и бесполезно, чтобы только что-нибудь делать — тру свои руки.

Я — студент-практикант.

Первый день моей практики. Только что кончили маневры и полчаса, час мы будем стоять так: на припёке, с полупотухшим паровозом, который, как какое-то громадное грязное замученное животное, теперь отдыхая, тяжело сопит.

Машинист Григорьев мрачно смотрит вниз. Вся его фигура судьи красноречиво говорит: «Ну, что ж теперь будем делать?»

Я понимаю и сам, что дело из рук вон плохо.

Нас на паровозе всего двое: он — машинист и я — кочегар.

Но собственно это «я — кочегар» один звук. Я даже лопаты в руках держать не умею. Этой лопатой надо перебросить из тендера в топку до трёхсот пудов угля в сутки. Кроме лопаты, много других инструментов, которыми тоже надо уметь владеть и систематично поспевать делать накапливающуюся работу.

Резак, например. Добрых полторы сажени, чуть ли не пудовой металлический стержень с загнутым остриём на конце.

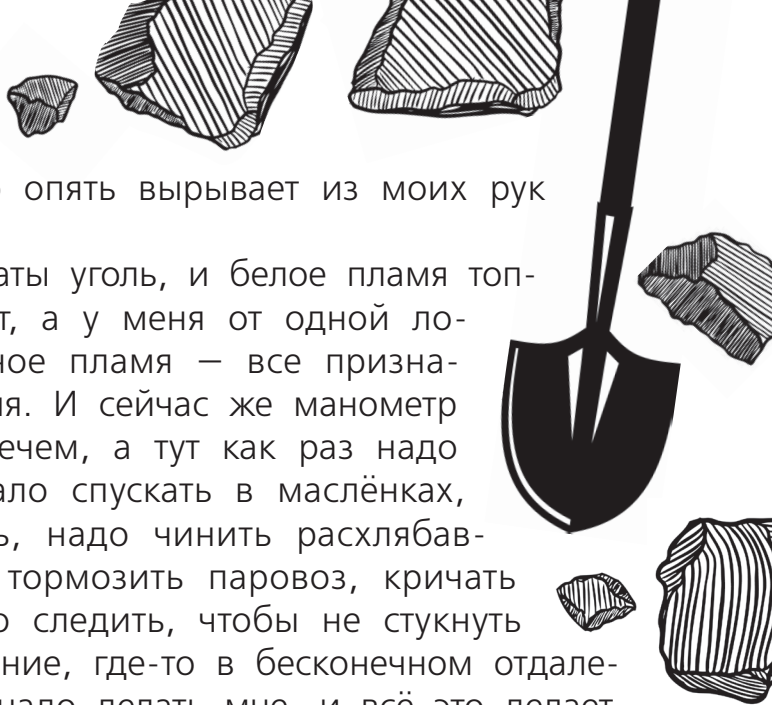
Лёжа на животе под паровозом, держа один конец этого резака в руках, надо другим, пропуская его между колосниками топки, подрезать накапливающийся там шлак.

Подрезать для того, чтобы проходил воздух, иначе гореть не будет, а тогда не будет и пара, как не будет его, если не уметь бросать в печку уголь так, как его надо бросать, к краям потолще, к середине тоньше.

А я бросаю как раз наоборот. И кажется вот-вот хорошо и опять на середину и опять мрачно говорит Григорьев:

— Могила!

И он раздражённо опять вырывает из моих рук лопату.

Ловко летит с лопаты уголь, и белое пламя топки почти не краснеет, а у меня от одной лопаты и дым и красное пламя — все признаки неполного сгорания. И сейчас же манометр падает, и работать нечем, а тут как раз надо воду качать, надо сало спускать в маслёнках, надо новое наливать, надо чинить расхлябавшиеся подшипники, тормозить паровоз, кричать составителям и зорко следить, чтобы не стукнуть друг с другом те задние, где-то в бесконечном отдалении вагоны. Всё это надо делать мне, и всё это делает, кроме всех своих других обязанностей, Григорьев, и после каждой сделанной за меня работы он всё тем же безнадёжным долбящим голосом говорит:

— Так, так... А кто ж работать будет?

И как раз в это время где-то там сзади: бух-тах-тарарах с какой-то всеразрушающей силой стучаются вагоны и, кажется, в щепки летят. Григорьев хватается за регулятор, штайер кричит дико: «Тормоз». Я бросаюсь к тормозу, отчаянно верчу, но не в ту сторону — я растормаживаю, вместо того чтобы затормозить.

— А-а-а!

В этом «а-а-а», в этой поднятой ноге, в руках, схватившихся за голову, всё бессилие, вся злоба, всё бешенство несчастного. Каторга, из которой каким-то порывом он хотел бы унести и сразу забыть этот проклятый паровоз, роковые выстрелы стучающихся вагонов, дурацкую фигуру оторопевшего, никуда не годного своего помощника.